

Лаборатория

Новая рубрика — совместный проект журнала и Лаборатории критического субъективизма. ЛКС — неформальное объединение авторов, пишущих о современной литературе, созданное известным критиком Анной Жучковой, его координатором и идейным вдохновителем. Наши читатели могут вспомнить вызвавший большой интерес «круглый стол» о Кирилле Рябове (№ 7 «Сибирских огней» за прошлый год), проведенный и подготовленный к публикации ЛКС. Это как раз пример того, как семь субъективных, оригинальных, подчас весьма неожиданных мнений дают в итоге предельно объективную картину. Такого принципа мы и будем придерживаться. В нашей «Лаборатории» главным инструментом исследования выступает яркая индивидуальность критика. Сегодня о текущей литературе и новых книгах рассказывают Ксения Бачурина, Василий Ширяев, Денис Балин, Вера Калмыкова.

Ксения БАЧУРИНА

ПИЛЮЛЯ В МЯТНОЙ ОБОЛОЧКЕ

О книге Анны Лужбиной «Юркие люди»¹

Есть выражение: проглотить горькую пилюлю. Но читатель — ребенок; горькое глотать не хочет, а если и проглотит, то останется, боже упаси, недоволен автором. «Юркие люди» Анны Лужбиной — пилюля горькая, но в мятной оболочке, отчего книжные обозреватели чуть не единогласно находят книгу утешительной, терапевтической и даже — что уж вовсе поразительно — уютной.

Создается этот эффект во многом за счет того, что конфликт в рассказах Лужбиной почти никогда не обнаруживается там, где ему как будто бы самое место. Вот рассказ «Зимовка» — история о двух бездомных, обитающих возле теплотрассы в Кускове. Возвращенные Гоголем и Платоновым, читатели напряженно ждут социальной драмы. А ну как прорвется у героев обида на отвергнувшее их общество? Или грянут

---

¹ М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2023. 256 с.

совсем уж нестерпимые морозы, или кончится еда? Или дети примутся кидать в Егорыча камнями?

Но ничего подобного не происходит. Егорыч увлекается птичничеством, развешивает по березам кормушки из молочных пакетов и — раз уж ребяташки все равно прозвали его лешим — режет из бревнышек фигурки клювастых божков. Его товарищ Лева заводит роман по переписке с девушкой из Твери. Когда придет весна, Лева вернется в обычный мир — заводить семью. Егорыч исчезнет — и на тепло-трассе появится место, где круглый год цветут одуванчики. Конечно, эта сказка все равно о смерти — но жало ее запрятано так глубоко, что почти не ранит.

Упорные попытки книжных блогеров включить персонажей сборника в ряд «маленьких людей» обречены на провал именно потому, что главным признаком этого литературного типа было противостояние героя с четко структурированным социумом, с системой, жаждущей перемолоть всякую индивидуальность. Но героям Лужбиной некому противостоять, не с кем бороться, не от кого, в сущности, даже прятаться. Нет в ее мире ни государства, которое могло бы их подавить, ни зубастого капитализма, превращающего людей в шестеренки конвейера. «Юркость» ее героев не навык, не талант, даже не вынужденная мера — это укоренившаяся привычка находить путь наименьшего сопротивления. Если «юрким людям» и приходится сражаться, то, как правило, только с собственной неизбыточной конформностью, с паническим страхом перед проявлением сильной воли и сильного чувства.

Характерный пример — «мапа» Рома из одноименного рассказа. «Мапа» — потому что работает и мамой, и папой маленькому Егорке. Настоящий отец — непоименованное «*патлатое чмо*» — ребенка и в глаза не видал. Настоящая мама Ира с Ромой разошлась и растаяла за горизонтом новой прекрасной жизни. Зачин вполне тривиальный, но, как часто у Лужбиной, драма разворачивается совсем не в плоскости быта. Сезонными болезнями, детскими утренниками и прочими прелестями сваленного на него родительства Рома жонглирует вполне успешно. Но это — «*от хорошего воспитания*»: дают — бери, просят — делай. А вот ответить на вопрос: «*так папа я или не папа*» — оказывается неожиданно трудно. Настолько, что внимательный читатель, пожалуй, в середине рассказа застынет в страхе от мелькнувшей мысли: а вернись Ира — не отдаст ли этот тюфяк, пожалуй, Егорку обратно так же безропотно, как когда-то усыновил? И, несколькими страницами позже, вздохнет с облегчением:

Рома открыл рот и подержал его какое-то время открытым, просто так.

— Я тебя люблю, — мало какие слова вызывали у него большой ужас и неудобство.

— И я тебя, — Егорка снова присосался к плюшевому воротнику, а после наклонился, чтобы понюхать цветок. — Пахнет ватрушкой.

В этой истории есть еще один персонаж — бабушка Рома. Роль ее в сюжете рассказа невелика, но подобных ей эпизодических и внесценических героинь в сборнике так много, что они заслуживают особого упоминания. Едва ли не самое частотное в книге сочетание слов — «бабушка/тетя/свекровь говорит/говорила...» — звучит в несобственно-прямой или внутренней речи центральных героев навязчивым рефреном. Если они и пытаются подвергать эти обломки чужой житейской философии сомнению, то обычно бесславно проигрывают:

С бабушкой разговор строился так: она выдавала что-то обратительное, Рома спорил. Потом она оказывалась права, но из сочувствия делала вид, что не предупреждала.

При детальном рассмотрении «Юркие люди» Лужбиной походят на приют для растерянных больших детей, так и не сумевших (да и не стремящихся) забрать бразды правления у всех этих решительных теток и бабок из прослойки позднесоветских людей-гвоздей, в точности знающих, почем фунт лиха и где раки зимуют. В некоторых историях преклонение персонажей перед авторитетом старшего поколения доходит до гротеска. Кульминацией этой темы оказывается «Методичка» — крохотный рассказ о неблагодарной работе коллектора Саши из ООО «Бэтмен», который на очередном задании наталкивается на неожиданное сопротивление: Марина Власова — очки в пол-лица, первый год на пенсии. Разговор она ведет с уверенностью заправского следователя, и Саша реагирует как пристыженный подросток на выволочку от родной бабки — паникует и вопит в удаляющуюся спину: «Я деньги зарабатываю, семью кормлю! <...> Слышишь ты меня?!»

В отличие от многих коллег по цеху, зачем-то стремящихся сгустить краски и нафаршировать постсоветскую реальность разнообразной бесовщиной — от Идиатуллина с его графоманом-убийцей до Чухлебовой с ее сатанистами, — Лужбина, кажется, прекрасно отдает себе отчет в том, что хтони российскому быту и так не занимать, а «жизнь такова, какова она есть, и больше — никакова!». Жутковатый абсурд повседневности в «Юрких людях» почти всегда прячется за интонацией ровной бодрости. Ее герои не удивляются окружающей несурразице и ничуть ею не травмированы, а с поразительной гибкостью акклиматизируются даже в самых гротескных ситуациях. Девочка из рассказа «Два утра» живет в «скворечнике» над лавкой на Черкизоне — потому что так «выгодно». Подросток Ефим из «Мотылька» переодевается в одежду умершей бабушки и маячит у окон, чтобы не попасть, по милости бдительных соседей, в детский дом.

В пересказе некоторые сюжеты «Юрких людей» звучат так, словно позаимствованы даже не из триллеров Бобылевой, а вовсе у какой-нибудь Яны Вагнер. Мария из местечка с жутковатым названием Грибница, окончив школу, прощается с приемной матерью, с подругой — женой алкоголика, с любовником, пишущим лавкрафтианские рассказы про гигантских слизней, и уезжает в Барыш работать эскортницей. Хтонь

и чернуха? А у Лужбиной «Разлука с грибницей» — история о том, как внутри человека растет его будущее. Уже стоя на платформе в Барыше, Мария вывернет кофту наизнанку и наденет ее снова — «так приходят новые решения». Жаль только, читатель уже не узнает, каким будет это решение: в «Юрких людях» финал то и дело застает героя на пороге будущего — и тот замирает, как прыгун, заснятый на пленку прямо в полете.

Рассказ «Зона покоя Укок» с такого прыжка в неизведанное только начинается. Отслужив контракт, военный покидает «горячую точку». С присущим ей исключительным вниманием к кинестетике Лужбина описывает новое и странное для героя ощущение свободы:

— Куда поскачешь? — Леший косит улыбкой вправо, к низкому плечу.

— В Укок. — Олень скидывает на стол все тяжелое, сваливает патроны. Тело сразу становится легким, будто снял собственные ноги.

Рассказ о поездке Оленя с Кавказа до Алтая перемежается загадочными письмами, героиня которых движется в том же направлении — только совершенно иным, волшебным способом. И если вначале путешествие героя кажется вполне реалистичным, то постепенно современность сменяется архаикой, герой вступает в страну великанов. Граница проходит по реке Катунь: здесь «на одном берегу едут люди на автобусах и машинах, на другом — на лошадях и повозках». В Горно-Алтайске Оленю встретится продавщица киоска, способная оборачиваться голубем; позывной превратится в шаманское имя, а целью путешествия окажется возвращение «домой» разбуженной раскопками алтайской принцессы Очы-Бала — той самой, что пишет Оленю письма.

Но источником зла, ради защиты от которого Алексей-Олень проходит весь этот путь, оказывается в финале не мир духов и не демон Кан-Таадьи-Бий, а мир человеческий — тот, из которого вернулся сам Олень. Мир, полный разрушенных домов и заброшенных садов, в котором «из черной тучи лезет черное солнце». Именно от этого южного, кровавого, слишком-уж-реального мира героически прячет свой заповедный север Олень.

С тем же незаурядным упорством держит форпост старик Яков из заключительного рассказа «Бат». Завязка истории — предупреждение о тайфуне и наводнении на Амуре. С Распутиным не сравнивать: у того затопление — дело рук человеческих. С Сенчиным не сравнивать тоже: там с собственным народом воюет власть. У Лужбиной, напротив, тайфун — повод для молодежи покинуть окраину рассыпающейся страны. «Особенно бояться ветра: может, потому, что и без этого некрепко держатся», — пронизательно подмечает Яков. Как и положено старожилу, эвакуироваться Яков отказывается, а уж потом, когда дом и впрямь затапливает, уплывает сам — на лодке-бате, расписанной древними узорами из таежной краски. Ночью бат зацепится за крест ушедшей под воду церкви. А когда, добравшись до цивилизации, Яков

станет решать, отправиться ли с односельчанами в заманчивый город Глюклиху, его потянет обратно, к затопленному дому, — туда, где «река от закатного солнца видится розовой, доброй, будто разбавленной ягодами».

«Юрких людей» Лужбиной можно читать наивно, в поисках занимательных историй и сентиментального катарсиса. Можно видеть в них терапевтическую прозу, которая дает позволение обить сладкой ватой стеночки своего уютного хюгге с березками и блэкджеком, тщательно позаткнуть дыры, из которых могло бы просквозить реальностью, — и притвориться, что это и есть счастье.

Но все же вот она, горькая пилюля: для героев этой книги любить ребенка, принимать решения и бороться за свой дом — дело почти неподъемно страшное и неудобное. Здесь мир от краха защищают старики и отчаянные одиночки. Здесь целое общество живет по принципу «что мир, что война, что жизнь, что смерть — лишь бы не трогали...».

И если читатель находит подобное утешительным, что ж.

Оставим это на его совести.

